

Экспертиза безопасности в современном мире: возможности и проблемы*

*М.А. Гласер, А.В. Полячков, Н.Н. Новик
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается проблема соотношения «общества знаний» и «практики знаний» на основе анализа сферы экспертизы безопасности как части политической экспертизы. Рассмотрены отношения между политикой и безопасностью, показано, при каких обстоятельствах безопасность становится политикой. Отмечено, что в настоящее время понятие «безопасности» стало весьма многогранным и включает в себя различные сферы, от военно-политической до информационной и гуманитарной. Дана дефиниция экспертизы безопасности, описаны ее ключевые параметры, природа, институционализация и практика. Особое внимание уделено характеристике ведущих направлений в исследовании проблем экспертизы безопасности. Проанализированы их общая идеология и свойственные проблемы, в том числе соответствие качества экспертизы принятым стандартам научного знания. Объяснено, почему вопросы безопасности в настоящее время привлекают экспертов и являются темой для многочисленных исследований. Поставлен и исследован вопрос о возможной депрофессионализации экспертизы безопасности и ее причинах. Обозначены институты, обладающие экспертным статусом в области безопасности, аргументирован глобальный рост аналитических центров, специализирующихся на экспертизе безопасности. Дана краткая характеристика аналитических центров и их основных особенностей. Приведены примеры практического воздействия экспертизы на принятие политических решений, прослежены возможные механизмы экспертного обеспечения. Сделан вывод о том, что экспертная аналитика может оказывать прямое влияние на политические процессы, а эксперты становятся их влиятельными теневыми участниками. С одной стороны, это может способствовать принятию более взвешенных решений, с другой – содействовать депрофессионализации экспертов, которые будут пытаться подстраиваться под запросы

---

* Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 году.

политиков. Таким образом, в случае со сферой экспертизы безопасности одним из результатов процесса формирования «общества знания» становится снижение автономности научной сферы, что имеет своим побочным эффектом депрофессионализацию знаний.

Ключевые слова: философия политики, философия безопасности, философия международных отношений, аналитические центры, Европа, Россия, принятие решений.

Гласер (Кукарцева) Марина Алексеевна – доктор философских наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

mkukartseva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7069-4779>

Поляченков Антон Вадимович – стажер Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

tony.fielding@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5690-5835>

Новик Николай Николаевич – кандидат экономических наук, доцент факультета мировой экономики и мировой политики департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

nikolay.n.n@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9373-5246>

Для цитирования: *Гласер М.А. Поляченков А.В., Новик Н.Н. Экспертиза безопасности в современном мире: возможности и проблемы // Философские науки. 2021. Т. 64. № 6. С. 33–54. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-33-54*

Expert Assistance in Security Politics: Problems and Possibilities*

*M.A. Glaser, A.V. Polyachenkov N.N. Novik,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

---

* This work was prepared with the grant support of the Faculty of World Economy and International Affairs of the National Research University Higher School of Economics in 2021.

Abstract

The article examines the problem of correlation between the “knowledge society” and “knowledge practice,” based on analysis of the phenomenon of security expertise as a part of political expertise. In the article, we consider the relationship between politics and security and demonstrate under what circumstances security becomes politics. It is noted that at present the concept of security has become very multifaceted and includes various spheres, from military-political to informational and humanitarian. We define security expertise, list its key parameters, origin, its institutionalization and practices. Special attention is paid to the characteristics of the main schools in the study of security expertise problems. Their general ideology and inherent problems are analyzed, including the correspondence of the quality of the expertise to recognized standards of scientific knowledge. We explain why security issues appeal to experts and result in numerous studies. We raise an issue of causes that may lead to possible deprofessionalization of security expertise. We identify a number of institutions with an expert status in the field of security and explain the global growth of analytical centers specializing in security expertise. A brief description of such analytical centers and their main features is given. We look into examples of practical impact of expertise on political decision-making, and possible mechanisms of expert support. It is concluded that expert analysis can exercise direct impact on political processes, and the experts become influential shadow participants. On the one hand, this may contribute to adopting more balanced decisions, but, on the other hand, it may result in deprofessionalization of experts who will try to adjust to the demands of politicians. Thus, in the sphere of security expertise, one of the results of the formation of a “knowledge society” is a decrease in the autonomy of the scientific sphere, which has a side effect in the form of deprofessionalization of knowledge.

Keywords: philosophy of politics, philosophy of security, philosophy of international relations, think tanks, Europe, Russia, decision-making.

Marina A. Glaser (Kukartseva) – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics.

mkukartseva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7069-4779>

Anton V. Polyachenkov – Intern Researcher, National Research University Higher School of Economics.

tony.fielding@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5690-5835>

Nikolay N. Novik – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics.

nikolay.n.n@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9373-5246>

For citation: Glaser M.A., Polyachenkov A.V., & Novik N.N. (2021) Expert Assistance in Security Politics: Problems and Possibilities. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64, no. 6, pp. 33–54. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-33-54

Введение

Одна из фундаментальных проблем науки – вопрос о соотношении «общества знаний» и «практики знаний». Их глубокое взаимопроникновение и взаимодетерминацию подчеркивали в новоевропейской философии и рационалисты и эмпирики, изучали классики аналитической традиции. Саму проблему можно сформулировать следующим образом: каким образом аналитические/академические исследования проникают во все сферы общественной жизни, почему становятся их составной частью и в результате запускают и формируют социальные и политические процессы [Habermas 1987]. Исследованием этой проблемы занимался М. Фуко, рассуждая об отношениях власти и рациональности, она занимает значимое место в социальном конструктивизме Д. Блура, Б. Латура и др. С конца 1980-х годов соотношение знания и практики изучается в рамках «поворота к практике», последовавшим за многими другими поворотами в философии – лингвистическим, антропологическим, методологическим [Soler, Zwart, Lynch, Israel-Jost 2014]. Можно утверждать, что вместе с эволюцией социального, эволюционируют не только представления о природе познания, но и методы, вооружившись которыми философ должен подходить к изучению обозначенной проблемы.

Экстраполированная на сферу политики она приобретает особый интерес уже потому, что мир политики и мир науки живут в разных логиках *отношения к знаниям*. Во многих областях внутренней и внешней политики часто наблюдается значительный разрыв между принятыми решениями и рекомендациями экспертов. Ключевая причина разрыва – отсутствие ясного ответа на вопрос о том, какую прежде всего ценность – научную или

же практическую – представляет собой деятельность ученых-экспертов, взаимодействующих с политиками.

Для политиков, имеющих идеологические обязательства, участвующих в политической конкуренции и борющихся за общественную поддержку своих позиций и программ, примат политики над наукой очевиден, даже несмотря на то, что ошибочные политические решения нередко ведут к самым тяжелым последствиям. Политикам в первую очередь интересна практическая значимость исследований. Эксперты же оперируют знаниями как определенным множеством теорий и концепций, обладающих большим объяснительным потенциалом [Haas 1990]. Экспертиза политики является целенаправленным процессом производства актуальных знаний (технических, естественно-научных, социально-гуманитарных) о политически значимых феноменах. Эксперты создают необходимые условия для исследования проблемы (например, полевые исследования), рассматривают и продумывают разные предложения, т.е. делают то, что политики, сидя в кабинетах, делать не могут. Главная задача политической экспертизы – своевременно предоставлять актуальную аналитику для политиков, тем самым содействуя решению стоящих перед ними проблем. М.А. Хрусталёв обозначает экспертизу как «опрос экспертов в целях получения от них вторичной информации об исследуемом объекте» [Хрусталёв 2015]. Эксперт высказывает мнение, которое либо влияет на решение политика, либо нет. Аналитическая структура политической экспертизы выстроена по схеме: «объект экспертизы – субъект экспертизы – заказчик». Для эксперта важно, что именно исследовать, а для политика – кого нанимать, финансировать, кого слушать прежде всего, а кого во вторую очередь [Waver 2010]. Политики нуждаются в экспертах, а эксперты в политиках. По мнению С. Жижекa, такая взаимозависимость в конце концов рождает «постполитику» – власть сосредотачивается в руках узкой группы политиков и экспертов [Жижек 2002].

При этом их взаимодействие может складываться по-разному [Archibald 1970]. Политики могут признать заключение эксперта непригодным к использованию или практически полностью элиминировать мнение экспертов из процесса принятия решения по мотивам его политической нецелесообразности, по причине нехватки организационных, интеллектуальных и временных ресурсов для реализации рекомендаций эксперта или в силу специ-

фики своего стиля руководства и даже личных предпочтений. Например, президент США Д. Трамп окружил себя экспертами, лояльными прежде всего по отношению к нему. С точки зрения отечественных исследователей, такое явление – скорее, правило, чем исключение, поскольку за любым коллективом экспертов стоит определенная политическая сила, интересы которой они представляют и защищают [Кобринская 1986].

Многие экспертные сообщества не могут смириться с тем, что их исследования и накопленные знания не приносят практической ценности, а потому ищут способы преодолеть разрыв, объективно существующий между экспертами и политиками [Easterly 2015]. Подобные попытки нередко завершаются перекосами в сторону чрезмерной ангажированности экспертов. Известен случай, когда в 2016 году британский экспертный центр – Международный центр стратегических исследований – обвинен в утаивании источников финансирования и получении крупной суммы денег от Бахрейна в обмен на аналитику, которая бы формировала британское общественное мнение в пользу Бахрейна. Подразумевалось, например, что эксперты данного центра будут писать о благополучии, высоком уровне развития и инвестиционной привлекательности Манама, особенно для британских инвесторов. Подобные случаи свидетельствуют о том, что попытка тесного сотрудничества политиков и экспертов может обернуться потерей доверия к последним, а также к отказу экспертов от объективности в пользу возможности иметь определенный политический вес.

В свою очередь, политики могут становиться экспертами, уходя в отставку и полагая, что накопленный ими обширный практический опыт автоматически превращает их в экспертов. Нередко в подобных ситуациях формируется «ловушка субъективности». Показательна в этом контексте ситуация с участием С. Бэннона, консервативного документалиста и интеллектуала, который работал главным советником президента США Д. Трампа после его избрания. Во множестве своих писем, интервью, статей и заметок Бэннон утверждает, что в США существует пятая колонна, представленная в основном людьми, исповедующими ислам. Неудивительно, что самый антииммигрантский указ Трампа от 27 января 2017 года придуман при непосредственном участии Бэннона.

Приведенные примеры демонстрируют опасность депрофессионализации экспертного сообщества: с одной стороны, эксперты начинают заниматься политическим лоббированием или

пытаться вмешиваться в процесс принятия политических решений, по сути, выполняя чужую работу, в которой они профессионалами не являются. С другой стороны, активное вхождение в экспертное сообщество бывших политиков, не имеющих необходимых навыков и квалификации, понижает общий уровень экспертизы. «Возможно, стоит проводить различие между интеллектуалами в области безопасности и экспертами в области безопасности как таковыми (хотя некоторые люди могут удачно быть и тем и другим)» [Osborne 2015].

В связи с возрастающей важностью экспертного обеспечения политики возрастает спрос на снабжение политиков качественной аналитикой, ограждение их от возможных ошибок, поддержка гарантией выполнения ими какого-либо обязательства. Такая угроза требует внимания, особенно в ключевых сферах политической экспертизы, в первую очередь в сфере экспертизы безопасности.

Безопасность как политика

Является ли политической задача обеспечения безопасности человеческих и нечеловеческих сущностей? Копенгагенская школа безопасности предложила в этой связи концепт «нормальной политики» [Buzan, Wæver, de Wilde 1998]. Нормальная политика есть обычное, укладывающееся в «трубку траекторий», деполитизированное или политизированное состояние общества. В его девиантном состоянии в политике возникает аномалия – «момент безопасности» – необходимость защищать акторов и объекты нормальной политики от рисков, угроз и опасностей непредвиденной смены траектории развития общества. «Миграция “безопасности” в область нормальной политики – институализированный домен профессиональной политической деятельности – не есть однозначно плохое или хорошее явление. Это – результат эмпирического развития политики...» [Neal 2019]. Поэтому безопасность нельзя признать антиполитикой, она – продукт определенного времени и места реализации политики. Неслучайно в глобальный политический вокабуляр понятие безопасности вошло только после двух мировых войн, в 1945 году, т.е. в год образования ООН и одного из ее главных органов – Совета Безопасности. Чем чаще повторяются состояния, которые на всех уровнях международных отношений и в большинстве культур воспринимаются как опасность, тем скорее они типизируются. В итоге формируется «грамматика» безопасности, проникающая во все сектора социальной и поли-

тической жизни людей. Общей платформой этой «грамматики», справедливо считающейся основой любой непротиворечивой дефиниции безопасности, служит уверенность людей в том, что они всегда будут обладать вещами и возможностями, которые важны для их выживания и благосостояния.

Но в последние двадцать лет уверенность заметно убывает, и события, вызванные пандемией COVID-2019, только подтверждают этот факт. Очевидным становится, что экспертиза безопасности в условиях нарастания рисков на всех уровнях безопасности важна как никогда. Она представляет собой процесс производства знаний о политически и физически значимых угрозах, опасностях; процесс выявления и оценки того, что является риском, что представляет собой угрозу, что следует рассматривать как проблему безопасности, а что не следует рассматривать в качестве таковой [Хрусталёв 2015]. Эксперты в сфере безопасности объясняют сущность и причины происходящих событий, снимают неопределенность, предлагают различные направления действий, определяют, какие из них должны быть приоритетными, а какие – второстепенными. *Ключевой исследовательский вопрос* заключается в том, сможет ли экспертиза безопасности противостоять тенденции к депрофессионализации. Эмпирическим материалом исследования будет служить экспертиза безопасности, существующая в США и Европе. Выбор объяснен тем, что экспертиза безопасности западных стран диктует сегодня основные тренды развития института политической экспертизы, с их плюсами и минусами. Кроме того, взаимодействие между экспертами и политиками в США и Европе более прозрачно и просматриваемо, чем в азиатских или латиноамериканских странах.

Повестка дня в области безопасности XXI века

В 80-х годах прошлого века отход от традиционного понимания безопасности как исключительно элиминации внешних угроз государству – *негативная* безопасность – привел к формированию концепта *позитивной* безопасности [Ullman 1983]. Введенный критическим направлением исследования *security studies*, он означает, что государство, акцентируя фигуру «врага» в своей внешней политике, преследует лишь один сегмент целей и упускает из виду другой – не принимает во внимание проблемы безопасности, существующие в повседневной жизни людей. К их числу относятся проблемы онтологической безопасности, гендера,

этноцентризма, расизма, перенаселения, миграции, климата, болезней и др. Экспертам их нужно увидеть, понять, научиться с ними работать, решать их. В этом и заключается позитивная безопасность, предлагающая ответ на вопрос о том, какого рода политику безопасности граждане ожидают от государства прежде всего. В 1991 году в книге «Люди, государства и страх» Б. Бузан предложил многомерный подход к исследованиям безопасности, обозначив пять ее возможных измерений: социальное, военное, политическое, экономическое и экологическое [Buzan 1991]. Данный подход означал расширение спектра возможных определений безопасности и, соответственно, исследований и практики безопасности.

В XXI веке проблемы безопасности становятся еще более сложными, что обусловлено стремительным развитием новых форм взаимодействия власти и общества, разных слоев и групп общества. При этом указанные формы обладают разным, не всегда ясным и сложным генезисом. Речь идет о постгуманизме, искусственном интеллекте, биоинжиниринге, популизме, авторитаризме, движениях *Me Too* (или *#MeToo*), *BLM*, международном движении школьников в защиту климата *Fridays For Future* и пр. Такого рода воздействия оказывают существенное, а иногда и определяющее влияние на основные тренды современного глобального политического процесса, политическую систему и даже на мировой порядок в целом [Лукин 2020]. Суть вопроса состоит не только в росте их разнообразия, но и в неразрывной связи между внутренними и внешними аспектами безопасности, что ставит перед экспертами новые проблемы. Например, борьба с терроризмом, экстремизмом и повстанцами, растущим популизмом правого и левого толка.

Появление этих феноменов в качестве инструмента политического насилия оказало значительное влияние на возможности экспертизы безопасности. Сущность главного проблемного вопроса сводится к тому, какие объекты экспертизы можно рассматривать в качестве предмета *рационального* знания. Например, может ли выступать терроризм в качестве такого объекта, могут ли террористы иметь рациональные мотивы, или это фанатики и схизмогенетики? [Conzen 2005] Возникает пул вопросов этического, политического и аналитического характера. В их числе и вопросы о том, кто должен быть экспертом в борьбе с терроризмом, какой опыт он должен иметь, насколько он может «сближаться с тер-

рористами», чтобы научиться их понимать [Göb 2010]. Для этой экспертизы, вероятнее всего, необходимы межпрофессиональная миграция и междисциплинарный синтез. Вопросы такого рода сегодня остаются одними из наиболее сложных в экспертизе безопасности и объясняют, почему нет какой-либо общей теории экспертизы безопасности. Здесь дело обстоит так же, как с дипломатией: есть ее традиционная форма, существующая в виде определенного множества приемов коммуникативной практики, реализуемых профессиональными дипломатами, а есть «анти-дипломатия», которой «не хватает некоторой “официальности” или “легитимности”», но ее стратегии «воздействуют целенаправленно на внешнюю политику государства» [Торреальба 2018]. В исследованиях безопасности, где тоже нет единой теории, появляются и новые термины, усложняющие проведение экспертизы, например, *Homeland security*. Официально он введен в научный оборот и политический словарь в 2002 году, с открытием в США соответствующего департамента (*DHA*), созданного в связи с террористическими атаками 11 сентября 2001 года. В 2007 году в США принят документ «National Strategy for Homeland Security» – «Национальная стратегия безопасности *отечества*» как безопасность «государства, штатов, племен, локальных, территориальных, неправительственных и частных организаций, а также отдельных лиц, семьи и сообществ, разделяющих общий национальный интерес в благополучии и безопасности Америки и американского населения»¹. Обеспечением *Homeland security* занимаются во взаимодействии государственные службы разных уровней, эксперты и граждане. В этой связи особенно актуальными при изучении экспертизы безопасности являются вопросы ее институционализации и практики.

Институционализация экспертизы безопасности

Экспертным статусом могут обладать и отдельная личность, и коллективы экспертов (экспертные группы), аналитические центры, консультативные органы различных политических организаций. Статус человека как эксперта может быть определен по таким трем критериям, как эффективность, предметные знания и опыт [Krems 1996]. Эффективность высчитывается по количеству исследований на оценку выше среднего значения с точки зрения

---

¹ The National Strategy For Homeland Security, October 2007. P. 12. – URL: https://www.dhs.gov/xlibrary/assets/nat_strat_homelandsecurity_2007.pdf

затрат времени или частоты ошибок эксперта. Владение предметными знаниями означает, что эксперт обладает обширными и дифференцированными видами знаний (фактами, методами, процедурами) и умело применяет их для решения новых задач, возникающих в специальной области знаний. Опыт показывает, что профессиональные знания, которыми владеет эксперт, могут быть получены только в течение длительного, в том числе эмпирического изучения того или иного предмета. В рамках данной точки зрения «эксперт» – это специалист, который удовлетворяет критерию поддержания отличных результатов в определенной области в течение длительного периода [Gruber, Ziegler 1996]. К числу таких экспертов в России можно отнести, например, Алексея Арбатова, Сергея Ознобищева, Сергея Караганова, Федора Лукьянова и др. Среди зарубежных экспертов заслуженной известностью пользуются Джеймс Джей Карафано, Леон Арон, Александр Рар.

Ситуация, вызванная распространением эпидемии коронавируса, показала значимость специалистов, обладающих уникальными знаниями в области вирусологии, необходимых для понимания природы опасности, мер борьбы с ней. Однако такие специалисты не могут быть экспертами и в области безопасности, поскольку не обладают необходимыми компетенциями. Поэтому их рекомендации, особенно в начале пандемии, часто носили просветительский, а не прагматический характер. В то же время многие профессиональные «эксперты-безопасники», специалисты в области биобезопасности и борьбы с патогенами ограничивались общими комментариями ситуации или призывами к единству перед лицом кризиса, по сути, повторяя слова политиков [Maull 2020]. Известно и об угрозах экспертам. Например, доктор Энтони Фаучи, главный медицинский эксперт по пандемии в США и член целевой группы президента Д. Трампа по борьбе с коронавирусом, подчеркнул, что политики «не могут принять какое-либо решение, пока не поймут, с чем имеют дело» и что «им нужны данные». Он предложил для начала «закрыть» границы страны, чтобы контролировать распространение вируса [Bennet, Perez 2020]. И сразу же столкнулся с серьезными угрозами своей личной безопасности, исходящими от праворадикальных сил, не согласных с предложением эксперта. Подобные случаи, с одной стороны, влияют на мотивацию экспертов и заставляют их уходить из профессии. С другой – профессиональная деятельность эксперта ведет к неожиданным политическим следствиям,

например, дает возможность политикам максимально секьюритизировать ситуацию – в данном случае пандемию – в виде введения чрезвычайных ситуаций, политизации общественного пространства, требований самоизоляции, что является вызовом нормам демократической политики и повседневной жизни.

К мнению отдельных экспертов, как в случае пандемии, так и в целом, прислушиваются реже, поскольку для привлечения внимания к своим аналитическим материалам эксперту требуется колоссальный авторитет не только в научных, но и в общественно-политических кругах. При этом в последнее время появляется большое число т.н. экспертократов, которые, по мнению отечественного политолога Андрея Ашкерова, выдают себя за специалистов, в действительности инструментализируя знание [Ашкеров 2009]. Такие «эксперты» активно выступают в СМИ, фактически занимаясь зачастую апологетикой официальной государственной политики и пытаясь тем самым «продать» политикам свои труды.

Поэтому предпочтение в настоящее время все чаще отдается не отдельным экспертам, а их коллективам, которые надежнее и авторитетнее [Slaughter 2004]. В определенной мере эта тенденция отражает и особенности современного общества знаний, где один из ключевых акцентов сделан на теории сетевых акторов, на роли безличных механизмов науки в политических процессах. Не менее важно и то, что коллективы экспертов представляют собой т.н. пограничные структуры, в которых деятельность экспертов и политиков складывается наиболее оптимально, они работают, реально дополняя друг друга [Guston 1999]. Политолог Нина Беляева отмечает, что, в отличие от научно-исследовательских организаций, занимающихся сугубо академической исследовательской деятельностью, аналитические экспертные центры, выполняя экспертизу, одновременно подразумевают участие в политических процессах [Беляева 2007]. Аналитические центры как особый класс исследовательских организаций представляют собой нишу поставщиков политической экспертизы, в том числе в сфере безопасности. Согласно данным ежегодного рейтинга Пенсильванского университета [McGann 2020], количество аналитических центров, специализирующихся на вопросах безопасности, постоянно растет: если в 2013 году в рейтинге фигурировали 65 таких центров, то в 2019 году их было уже 110.

Семантика понятия «аналитический центр» («think tanks») с самого начала была ориентирована на исследование проблем безопасности, в частности военной обороны. Своего рода архетип аналитического центра воплотился в корпорации *RAND*, где в 1950-е годы разработана теория игр, дилемма заключенного и на их основе стратегии разрешения конфликтов и фокальных точек Т. Шеллинга, стратегический и системный анализ, технология *Planning-Programming-Budgeting-System* – «Система планирования, программирования, бюджетирования», ставшая основой «экономика обороны» в решении проблем национальной безопасности. Несколько пионерских исследований *RAND* внедрены в политику, например, знаменитое исследование «авиабаз», выполненное А. Уолстеттером, специалистом по применению экономико-математических методов, который впоследствии стал одним из главных авторитетов корпорации в области стратегического анализа.

Рост количества аналитических центров в начале XXI века трансформирует механизмы их деятельности, прежде всего в институтах, сосредоточенных на нетрадиционных видах безопасности, в том числе занимающихся нетрадиционными проблемами военной безопасности (например, такими как био- и кибертерроризм). Работающие в них эксперты перестали быть лишь «экспертами по безопасности», а оказались «экспертами-специалистами» в одном из конкретных видов опасности. Это привело и к специализации аналитических центров. Дж. МакГанн предлагает классифицировать их по семи направлениям.

Традиционные исследования в области безопасности:

- военная безопасность;
- ядерная безопасность.

Нетрадиционные исследования в области безопасности:

- исследования мира и конфликтов;
- экономическая безопасность;
- экологическая безопасность;
- политическая безопасность;
- безопасность человека [McGann 2015].

Как показывают собранные МакГанном данные, практически на всех уровнях – национальном, региональном и глобальном – наиболее востребованы в процентном отношении из перечисленных семи направлений политическая и экономическая безопасность. Сильные экономики и политические институты

практически везде считаются более насущными проблемами, чем, например, экологическая безопасность, хотя в последние два года этот тезис значительно скорректирован. Традиционные фокусы безопасности, а именно военная и ядерная безопасность, наиболее востребованы в Океании, США и Азии. Такой расклад можно объяснить тем, что в Океании немного аналитических центров. К тому же ввиду географического положения они заняты преимущественно традиционными проблемами. США, будучи мировой сверхдержавой, сосредоточены на поддержании своего превосходства и разработке новых видов вооружений, а Китай, Индия и Пакистан как региональные сверхдержавы – на наращивании традиционной военной мощи. Южная Африка посвящает лишь 1 % исследований ядерной безопасности и практически не занимается военными вопросами. Вместе с тем Ближний Восток и Северная Африка показывают пятипроцентное распределение по военным вопросам и менее 1 % на ядерную безопасность. Наконец, около 1 % латиноамериканских аналитических центров сосредоточены на военной безопасности, менее 1 % – на работе по ядерным вопросам [McGann 2015]. Европейские аналитические центры видят в качестве приоритетного направления для исследований политическую и экономическую безопасность (34 и 31 % соответственно), безопасность окружающей среды (11 %), исследования проблем мира и конфликтов, безопасность человека, военную и ядерную безопасность.

В России число аналитических центров, специализирующихся на вопросах безопасности – 30–50 % от общего их количества. В отличие от европейских центров, российские акцентируют внимание преимущественно на военной безопасности (в особенности на вопросах, связанных с угрозой распространения и применения ядерного оружия), несколько меньше – на энергетической (в особенности – безопасности атомной энергетики).

Практика экспертизы безопасности

Практика экспертизы безопасности понимается как ее результат, воплощенный в принятых политических решениях [Hansen 2006]. Аналитические центры не просто принимают активное участие в том, чтобы обеспечить реализацию определенных идей на практике, но и, по словам отечественного исследователя Андрея Кокошина, пытаются обеспечить компромисс и принятие этих идей разными участниками политического процесса [Кокошин 1981].

В США, например, подобная практика прослеживается легко, поскольку часто политики напрямую заявляют о том, кто разработал конкретную инициативу, называют аналитический центр или имя отдельных исследователей. Например, в случае президента США Д. Трампа и фонда «Наследие», которые приняли участие в формировании политической программы главы государства и его администрации, получая при этом похвалу со стороны Белого дома².

В странах Европейского союза ситуация несколько иная, ввиду особенностей региональной и национальных политических культур, специфики взаимодействия экспертной и политической сфер. Но и в этих государствах практическую составляющую можно проследить, сопоставляя ряд ключевых факторов. Например, в 2013 году эксперты Немецкого института международных отношений и безопасности Штеффен Ангенендт, Маркус Энглер и Ян Шнайдер опубликовали статью «Европейская политика в отношении беженцев». В ней они проанализировали действующие механизмы миграционной политики, их сильные и слабые стороны, а также предложили план по реформированию существующей политики [Angenendt, Engler, Schneider 2013]. Важность их работы заключается в том, что именно в ней предложена система квот, рассчитанная на основании данных о ВВП, населении и уровне безработицы каждой страны ЕС. Предложенная методика распределения беженцев, хотя и с некоторыми отвечающими текущему положению дел изменениями, в конечном счете принята ЕС в 2015 году³. В соответствии с этой экспертной методикой Германии необходимо было принять наибольшее число мигрантов, независимо от желания и готовности ее политического класса. План экспертов не предусматривал и трансфер тех, кто ищет убежище, и вероятность того, что они попытаются остаться в транзитных странах, а не в государстве своего назначения.

Невозможно с уверенностью *утверждать*, что европейская миграционная политика 2015 года построена на результатах исследований указанных экспертов, но существуют веские основания

---

² Heritage Foundation. Trump Administration Embraces Heritage Foundation Policy Recommendations (2018) // Heritage Foundation. – URL: <https://www.heritage.org/impact/trump-administration-embraces-heritage-foundation-policy-recommendations>

³ Migrant crisis: EU's Juncker announces refugee quota plan. (2015) // BBC News. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34193568>

полагать, что введение квот на мигрантов стало возможным и благодаря таким исследованиям. Обратим внимание на ряд фактов:

– Ш. Ангенендт являлся советником в Немецком министерстве экономического сотрудничества и развития, неоднократно выступал консультантом для различных международных организаций и институтов, включая Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Европейскую комиссию;

– М. Энглер являлся политическим консультантом в Управлении ООН по делам беженцев;

– работа экспертов опубликована в виде книги и широко ратифицирована.

В некоторых случаях найти примеры влияния центров на принятие политических решений крайне сложно. Например, аналитические материалы российских центров, направляемые в профильные ведомства, публикуются редко. Однако это не означает, что практического эффекта от данных рекомендаций нет. Так, огромную роль в исследовании вопросов безопасности, в том числе в ядерном секторе, занимает созданный в 1994 году ПИР-Центр, эксперты которого находятся в тесном контакте с профильными министерствами и ведомствами, выпускает аналитику в журнале «Индекс безопасности». Комментарии политиков относительно экспертизы центра свидетельствуют о том, что к данному аналитическому центру как минимум прислушиваются. Еще один пример – доклад «Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: новые идеи для внешней политики России», подготовленный группой экспертов Высшей школы экономики под руководством С. Караганова, был широко представлен в СМИ и направлен в МИД России [Караганов 2020].

Перечисленные примеры объединяет их практикоориентированность, стремление аналитических центров, являющихся институтами экспертного обеспечения политики безопасности, не только предоставлять политикам данные и рекомендации, но и формулировать пути решения тех или иных проблем, активно призывать политиков использовать соответствующие решения. Парадокс состоит в том, что именно это и подвергает такие центры рискам депрофессионализации, описанным в начале статьи. Участие бывших политиков в экспертном обеспечении деятельности их коллег влечет за собой опасность предвзятости и ангажированности, желания действовать исходя из сугубо политических, даже субъективных мотивов, отставляя экспертизу

на второй план. Этим, возможно, отчасти объясняется провал плана ЕС по урегулированию миграционного кризиса и критика в адрес упомянутой системы квот. В свою очередь, слишком тесное взаимодействие центров и политических элит, подкрепляемое финансированием деятельности экспертов, побуждает последних к ангажированному политическому лоббированию и апологетике идей определенных политических сил, как в случае фонда «Наследие», активно защищающего инициативы администрации Д. Трампа. Подобные факторы ставят экспертизу безопасности под угрозу, делая ее уязвимой перед снижением качества аналитики и, как следствие, эффективности. По мнению отечественного исследователя Федора Войтоловского из спектра аналитических центров лишь немногие являются проводниками «свежих», оригинальных идей и исследований. Остальные приспособляются к сотрудничеству с политическими силами [Войтоловский 2015].

Наметившаяся общая тенденция депрофессионализации пока еще может быть сбалансирована, поскольку ядро аналитических центров составляют именно эксперты, а боязнь потери авторитета в научном сообществе вынуждает их внимательнее подходить к чрезмерному сближению с определенными политическими силами. Сохранение атрибуции науки является ключевым моментом в борьбе за достоверность экспертизы. Тем не менее существующими рисками не стоит пренебрегать.

Заключение

Быстрые изменения в среде безопасности на всех ее уровнях и усиливающаяся повсеместная неопределенность, рост акторов обеспечения безопасности и конкуренции между ними чрезвычайно усиливают востребованность экспертизы в области безопасности. Уникальность и сложность задач, срочность их решения требует от экспертов и политиков максимального коллективного сотрудничества, так, чтобы сработал эффект «spill-over» (переливания) и результаты экспертизы безопасности прямо влияли бы на выработку политиками стратегий безопасности, от национальной до глобальной [Guston 1999]. Это позволит развить взаимопонимание между сторонами и тем самым оптимизировать их взаимодействие.

Но именно ввиду влияния и востребованности экспертиза безопасности, с одной стороны, постепенно превращается в прикладную науку и научное консультирование, утрачивая

профессиональную идентичность. Высокие требования к экспертизе безопасности и отсутствие в ряде случаев права на ошибку постепенно превращает экспертов по безопасности в закрытую группу исследователей, которые выстраивают собственную экспертизу на своих же научных работах. Боязнь совершить ошибку может завести таких экспертов в «ловушку рациональности», привести их к отрыву от реального положения дел в пользу проверенных методов. Кроме того, вместе с боязнью совершения ошибки у экспертов может присутствовать нежелание терять тесные партнерские связи с политическими кругами, финансирующими исследования и оказывающими поддержку, в связи с чем многие предпочитают идти по проторенной дорожке уже знакомых теорий или следовать предпочтениям и мнению своих заказчиков по ключевым вопросам, что сказывается на качестве экспертизы.

С другой стороны, растущий спрос на экспертизу безопасности и дефицит профессиональных экспертов-безопасников порождает приток в экспертное сообщество сторонних людей, не обладающих необходимыми компетенциями ни в одной из сфер – ни науке, ни в безопасности. Количество экспертов, которые уходят в политику, и политиков, которые занимаются экспертной деятельностью, становится больше. Помимо очевидных следствий – внешнего соединения имеющихся фактов, неадекватного ввода в результаты экспертизы фактов воображаемых, лоббизма чьих-то интересов и др. – это ведет к политической борьбе вокруг безопасности как таковой: что считать принадлежащим к ее сфере, а что нет. Результатом может стать дестабилизация всех пространств состояний опасности/безопасности. И в первом, и во втором случаях результатом является реальная тенденция депрофессионализации экспертизы безопасности.

Перечисленные проблемы заставляют по-новому взглянуть на проблему формирования «общества знания» и соотношения «общества знаний» и «практики знаний». Одним из следствий формирования такого «общества» может стать снижение автономности научной сферы, а побочным эффектом такой тенденции – описанная выше депрофессионализация знаний. Наблюдаемое сращивание экспертной и политической сфер оказывает серьезное негативное влияние на качество экспертизы и профессионализм исследователей, ориентирующихся на заказчика, а не на научные принципы, пытающихся угодить заказчику и испытывающих давление ввиду получения от чиновников

финансирования своих исследований. Остановить эту опасную тенденцию можно созданием организующей основы, например, введением на национальном и международном уровне строгих профессионально-квалификационных стандартов, системы аттестации, ужесточением верификации результатов экспертного исследования. На практике это может быть трудновыполнимо, но попытки решения проблемы уже могут дать положительные результаты. Разумеется, выявленная тенденция еще не набрала опасной критической величины, но поиск путей ее купирования уже стал срочной задачей.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ашкеров 2009 – *Ашкеров А.Ю.* Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. – М.: Издательство «Европа», 2009.

Войтоловский 2015 – *Войтоловский Ф.Г.* «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2015. – URL: <http://intertrends.ru/old/eleventh/008.html>

Жижек 2002 – *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.

Караганов, Суслев 2020 – *Караганов С.А., Суслев Д.В.* Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Кобринская 1986 – *Кобринская И.Я.* «Мозговые тресты» и внешняя политика США. – М.: Международные отношения, 1986.

Кокошин 1981 – *Кокошин А.А.* США: за фасадом глобальной политики. – М.: Политиздат, 1981.

Лукин 2020 – *Лукин А.В.* Теория всеобщего расизма - новая версия американского культурного доминирования // Россия в глобальной политике. 2020. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/teoriya-rasizma-novaya-versiya/>

Сравнительный анализ... 2007 – Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров: case study / сост. и ред. Н.Ю. Беляева, Д.Г. Зайцев. – М.: ГУ – ВШЭ, 2007.

Торреальба 2018 – *Торреальба А.А.* Антидипломатия: модели, формы, методы, примеры и риски. – 2018.

Хрусталева 2015 – *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Аспект Пресс, 2015.

Angenendt, Engler, Schneider 2013 – *Angenendt S., Engler M., Schneider J.* European Refugee Policy // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2013. – URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2013C36_adt_engler_schneider.pdf

Archibald 1970 – *Archibald K.* Three Views on the expert's role in policymaking: systems analysis, incrementalism and the clinical approach // RAND Corporation. 1970. – URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2009/P4292.pdf>

Bennet, Perez 2020 – *Bennet K., Perez E.* Nation's top coronavirus expert Dr. Anthony Fauci forced to beef up security as death threats increase // CNN Politics. 2020. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/04/01/politics/anthony-fauci-security-detail/index.html>

Buzan 1991 – *Buzan B.* People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / 2nd ed. – London: Harvester Wheatsheaf, 1991.

Buzan, Wæver, de Wilde 1998 – *Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.

Conzen 2005 – *Conzen P.* Fanatismus: Psychoanalyse eines unheimlichen Phänomens. – Stuttgart: Kohlhammer, 2005.

Easterly 2015 – *Easterly W.* The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor. – New York: Basic Books, 2014.

Göl 2010 – *Göl A.* Editor's Introduction: Views from the "Others" of the War on Terror // *Critical Studies on Terrorism*. 2010. Vol. 3. No. 1. P. 1–5.

Gruber, Ziegler 1996 – *Gruber H., Ziegler A. (Eds.)* Expertiseforschung. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996.

Guston 1999 – *Guston D.* Stabilizing the boundary between U.S. politics and science: The role of the Office of Technology Transfer as a boundary organization. // *Social Studies of Science*. 1999. Vol. 29. No. 1. P. 87–112.

Haas 1990 – *Haas E.B.* When Knowledge is Power: Three Models of Change in International Organizations. – Berkeley, CA: University of California Press, 1990.

Habermas 1987 – *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. – Cambridge, UK: Polity, 1987.

Hansen 2006 – *Hansen L.* Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. – London: Routledge, 2006.

Krems 1996 – *Krems J.* Expertise und Flexibilität // *Expertiseforschung* / ed. by H. Gruber, A. Ziegler. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. P. 80–91.

Mansharamani 2020 – *Mansharamani V.* Think for Yourself: Restoring Common Sense in an Age of Experts and Artificial Intelligence. – Boston, MA: Harvard Business Review Press, 2020.

Mauß 2020 – *Mauß H.* Internationale Zusammenarbeit in der Corona-Krise: Chancen für Europa, Gefahren für die Welt // *Stiftung Wissenschaft und Politik*. 2020. – URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/internationale-zusammenarbeit-in-der-corona-krise-chancen-fuer-europa-gefahren-fuer-die-welt/>

McGann 2015 – *McGann J.* Think tanks in security and international affairs // *Security Expertise Practice, Power, Responsibility* / ed. by T. Villumsen Berling and C. Buege. – New York: Routledge, 2015.

Neal, Andrew 2019 – *Neal, Andrew W.* Security as Politics. Beyond the State of Exception. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.

Osborne 2015 – *Osborne T.* In Defence of Security // *Security Expertise Practice, Power, Responsibility* / ed. by T. Villumsen Berling, C. Bueger. – New York: Routledge, 2015.

Slaughter 2004 – *Slaughter A.M.* A New World Order. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.

Soler, Zwart, Lynch, Israel-Jost 2014 – Soler L., Zwart S., Lynch M. & Israel-Jost V. (Eds.) *Science after the Practice Turn in the Philosophy, History, and Social Studies of Science*. 1st edition. – New York: Routledge, 2014.

Ullman 1983 – Ullman R.H. *Redefining Security* // *International Security*. 1983. Vol. 8. № 1. P. 129–153.

Waver 2010 – Waver O. *Towards a political sociology of security studies* // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. No. 6. P. 649–658.

REFERENCES

Ashkerov A. (2009) *Expertocracy. Managing Knowledge: Production and Circulation of Information during Ultracapitalism*. Moscow: Evropa Publishing (in Russian).

Angenendt S., Engler M. & Schneider J. (2013, November) *European Refugee Policy*. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. Retrieved from https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2013C36_adt_engler_schneider.pdf

Archibald K. (1970, January) Three Views on the expert's role in policy-making: systems analysis, incrementalism and the clinical approach. *RAND Corporation*. Retrieved from <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2009/P4292.pdf>

Belyaeva N.Yu. & Zaytsev D.G. (Eds.) (2007) *Comparative Analysis of Russian and Foreign Think Tanks: Case Study*. Moscow: High School of Economics Press (in Russian).

Bennet K. & Perez E. (2020) Nation's Top Coronavirus Expert Dr. Anthony Fauci Forced to Beef up Security as Death Threats Increase. *CNN Politics*. Retrieved from <https://edition.cnn.com/2020/04/01/politics/anthony-fauci-security-detail/index.html>

Buzan B. (1991) *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era* (2nd ed.). London: Harvester Wheatsheaf.

Buzan B., Wæver O., & de Wilde J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.

Conzen P. (2005) *Fanatismus: Psychoanalyse eines unheimlichen Phänomens*. Stuttgart: Kohlhammer (in German).

Easterly W. (2015) *The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor*. New York: Basic Books.

Göl A. (2010) Editor's Introduction: Views from the "Others" of the War on Terror. *Critical Studies on Terrorism*. Vol. 3, no. 1, pp. 1–5.

Gruber H. & Ziegler A. (Eds.) (1996) *Expertiseforschung*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Guston D. (1999) Stabilizing the boundary between U.S. politics and science: The role of the Office of Technology Transfer as a boundary organization. *Social Studies of Science*. Vol. 29, no. 1, pp. 87–112.

Haas E.B. (1990) *When Knowledge is Power: Three Models of Change in International Organizations*. Berkeley, CA: University of California Press.

Habermas J. (1987) *The Theory of Communicative Action*. Cambridge, UK: Polity.

Hansen L. (2006) *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. London: Routledge.

Hrustalev M.A. (2015) *International Situation Analysis and Political Expertise*. Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Karaganov S.A. & Suslov D.V. (2020) *The Protection of Peace, Earth, Freedom of Choice for All Countries. New Ideas for Russia's Foreign Policy*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House (in Russian).

Kobrinskaya I.Ya. (1986) *Think Tanks and the USA Foreign Policy*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya (in Russian).

Kokoshin A.A. (1981) *USA: Behind the Global Politics' Facade*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Krems J. (1996) Expertise und Flexibilität. In: Gruber H. & Ziegler A. (Eds.) *Expertiseforschung* (pp. 80–91). Opladen: Westdeutscher Verlag (in German).

Lukin A.V. (2020, July 14) Theory of universal racism – new version of American cultural dominance. *Russia in Global Affairs*. Retrieved from <https://globalaffairs.ru/articles/teoriya-rasizma-novaya-versiya/>

Mansharamani V. (2020) *Think for Yourself: Restoring Common Sense in an Age of Experts and Artificial Intelligence*. Boston, MA: Harvard Business Review Press.

Maull H. (2020, March 30) Internationale Zusammenarbeit in der Corona-Krise: Chancen für Europa, Gefahren für die Welt. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. Retrieved from <https://www.swp-berlin.org/publikation/internationale-zusammenarbeit-in-der-corona-krise-chancen-fuer-europagefahren-fuer-die-welt/> (in German).

McGann J. (2015) Think tanks in security and international affairs. In: Villumsen Berling T. & Bueger C. (Eds.) *Security Expertise Practice, Power, Responsibility*. New York: Routledge.

Neal, Andrew W. (2019) *Security as Politics. Beyond the State of Exception*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Osborne T. (2015) In Defence of Security. In: Villumsen Berling T. & Bueger C. (Eds.) *Security Expertise Practice, Power, Responsibility*. New York: Routledge.

Slaughter A.M. (2004) *A New World Order*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Soler L., Zwart S., Lynch M. & Israel-Jost V. (Eds.) (2014) *Science after the Practice Turn in the Philosophy, History, and Social Studies of Science*. New York: Routledge.

Torrealba A.A. (2018) *Antidiplomacy: Models, Forms, Methods, Examples and Risks* (Russian translation).

Ullman R.H. (1983) Redefining Security. *International Security*. Vol. 8, no 1. pp. 129–153.

Voitlovski F.G. (2015, January-March) Creation of intellectual space of world politics. *International Trends*. Retrieved from <http://intertrends.ru/old/eleventh/008.htm>

Waver O. (2010) Towards a political sociology of security studies. *Security Dialogue*. Vol. 41, no. 6, pp. 649–658.

Žižek S. (2002) *Welcome to the Desert of the Real*. London: Verso Books (Russian translation: Moscow: Pragmatika kul'tury Foundation, 2002).